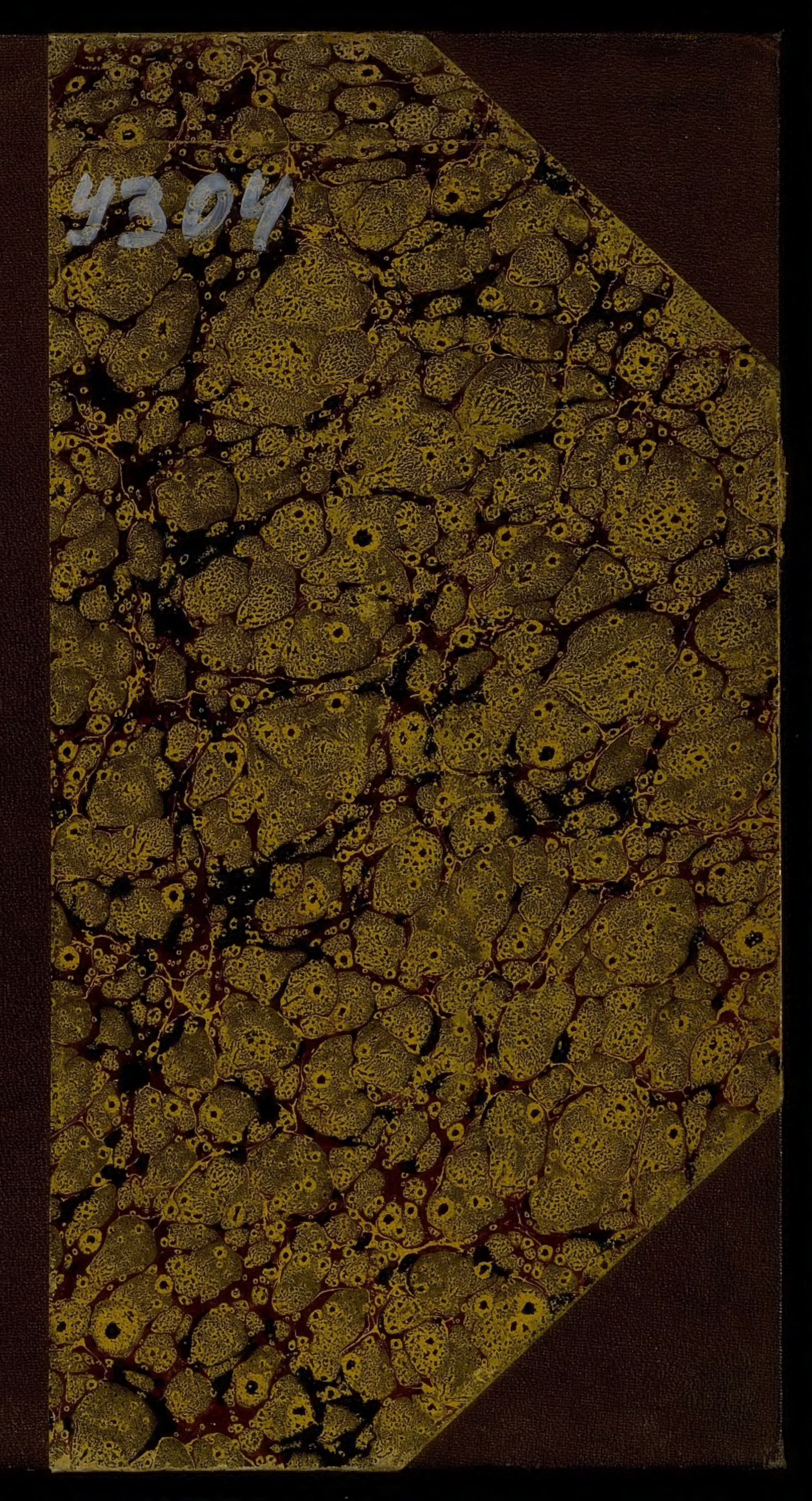
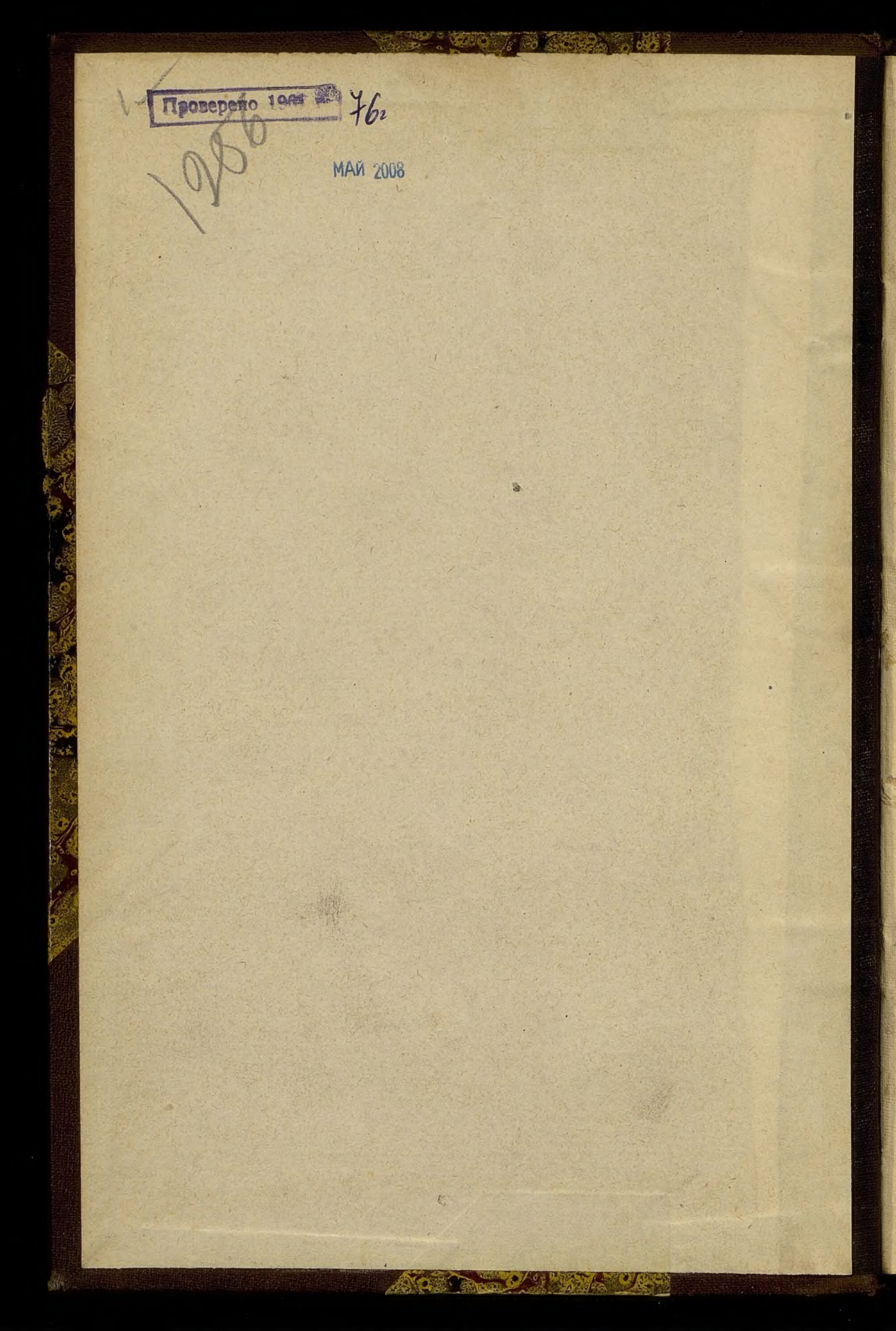
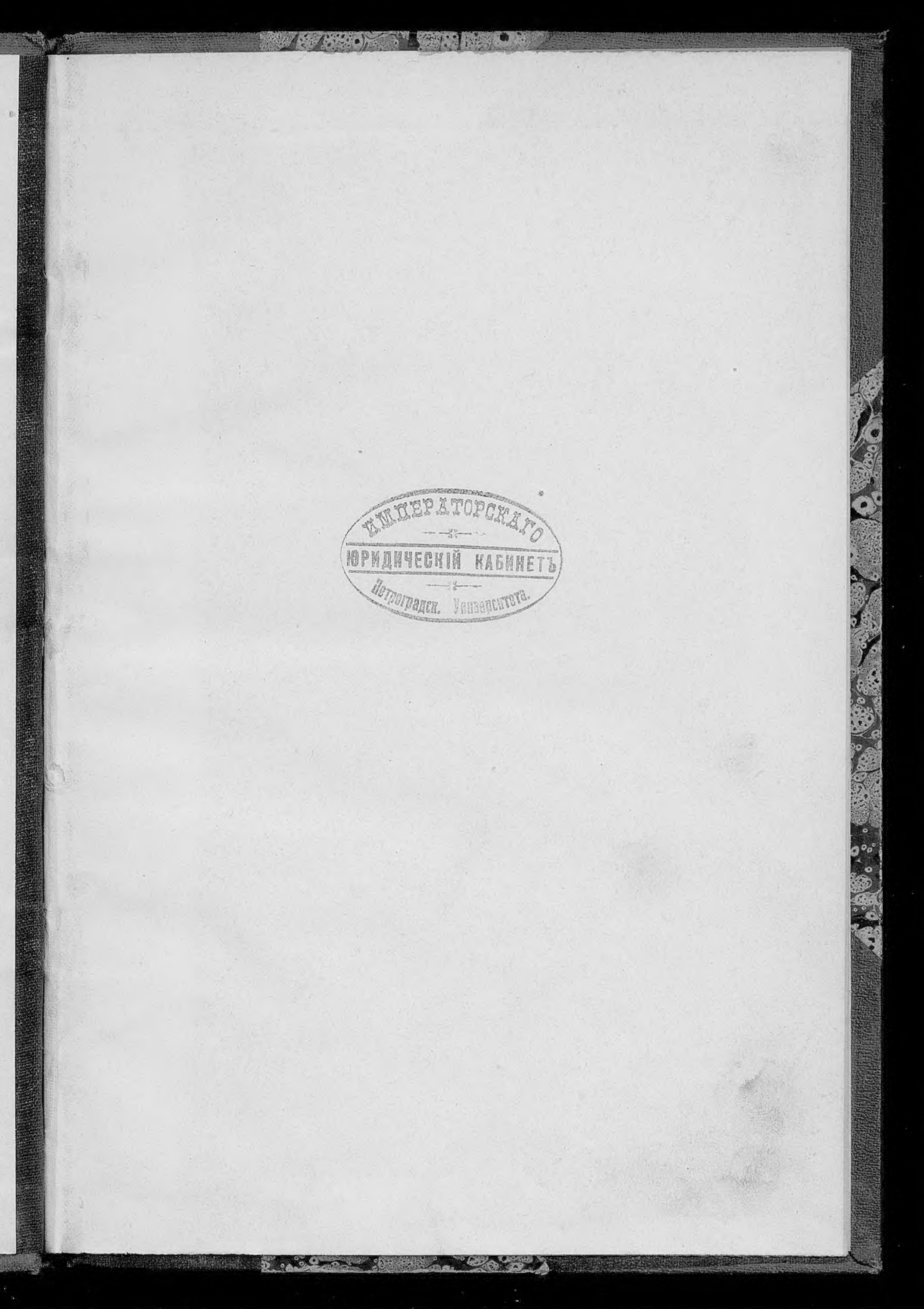
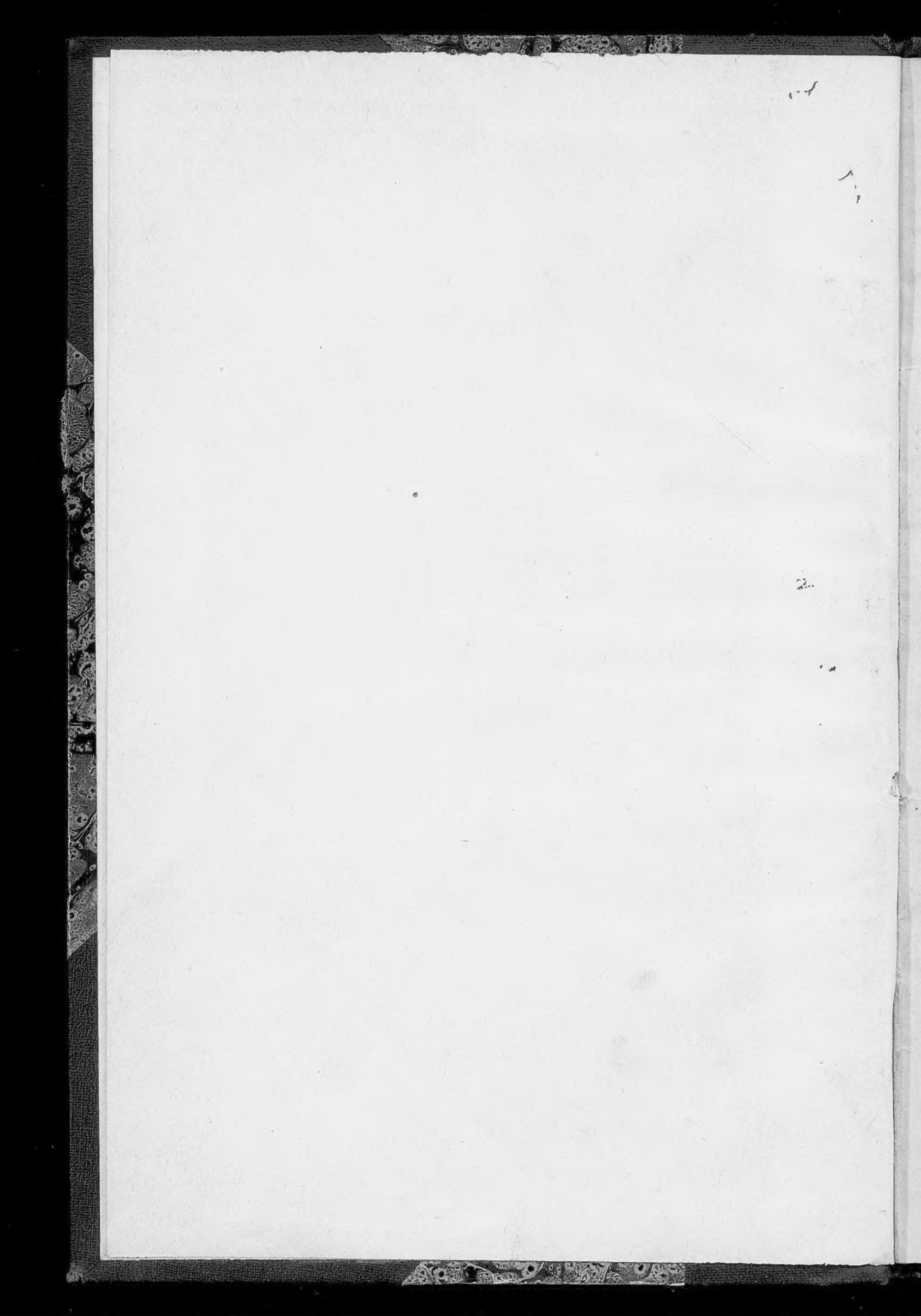

4304




ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
Петроградск. Университета.



Вс. А. УДИНЦЕВЪ.

Левъ Аристидовичъ Кассо

ДОКТОРЪ ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1915.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1915 г.

„Левъ Аристидовичъ Кассо родился 8-го іюня 1865 года въ Парижѣ, сынъ бессарабскаго потомственнаго дворянина. Среднее образованіе получилъ въ Парижѣ въ Lycée Condorcet. Съ 1883 г. слушалъ лекціи въ парижской École de droit и на юридическихъ факультетахъ Гейдельбергскаго и Берлинскаго университета. Послѣдній удостоилъ его степени доктора utriusque juris въ 1889 г. Выдержавъ магистерскій экзаменъ въ 1892 г. при юридическомъ факультетѣ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, онъ былъ въ томъ же году назначенъ и. д. доцента въ названномъ университетѣ, а въ 1893 г. и. д. экстраординарнаго профессора мѣстнаго права прибалтійскихъ губерній. Защитивъ въ университетѣ св. Владиміра магистерскую диссертацію, онъ въ 1895 г. былъ переведенъ въ Харьковскій университетъ на каѳедру гражданскаго права и судопроизводства. По защитѣ докторской диссертаціи въ 1899 г. былъ переведенъ въ Московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ гражданскаго права".

Таковы свѣдѣнія, данныя покойнымъ Л. А. Кассо для харьковскаго изданія: Юридическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805—1905) подъ редакціей проф. М. П. Чубинскаго и проф. Д. И. Багалѣя, Харьковъ 1908 г., стр. 205—206.

Одновременно съ чтеніемъ лекцій въ Московскомъ университетѣ Л. А. Кассо состоялъ директоромъ Лицея Цесаревича Николая. Въ 1910 г. онъ оставилъ профессуру, директорство и Москву, будучи назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а затѣмъ и министромъ.

26-го ноября 1914 г. Л. А. Кассо скончался.

Покойный ученый и профессоръ издалъ восемнадцать сочиненій [1]),

---

[1]) 1) Die Haftung der Beneficialerben nach römischem und heutigem Rechte. 1889.

посвященныхъ историко-догматическому изслѣдованію русскаго гражданскаго права въ сопоставленіи его съ правами римскимъ, германскимъ и французскимъ. Послѣднія работы имѣли по преимуществу историческій характеръ, но и онѣ не порывали связи съ юридическими вопросами.

Всѣ сочиненія Л. А. Кассо распадаются на двѣ группы, къ первой изъ которыхъ принадлежатъ посвященныя изученію источниковъ гражданскаго права; сюда должны быть причислены и упомянутыя сочиненія историческаго характера. Ко второй группѣ относятся сочиненія, изслѣдующія спеціальные вопросы гражданскаго права. Если бы можно было игнорировать хронологическую послѣдовательность въ появленіи работъ, отнесенныхъ къ одной и къ другой группѣ, то слѣдовало бы сказать, что эти двѣ группы логически связаны между собой; что сочиненія объ источникахъ права, представляя опредѣленный самостоятельный интересъ, являются въ нѣкоторомъ смыслѣ программой, которую Л. А. Кассо намѣтилъ для того, чтобы отдѣльныя положенія ея развить или иллюстрировать на разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ.

Сочиненія Л. А. Кассо объ источникахъ гражданскаго права посвящены общимъ источникамъ русскаго гражданскаго права и источникамъ мѣстнымъ. На первое мѣсто, какъ по важности затронутыхъ вопросовъ, такъ и по содержанію надлежитъ поставить: „Источники русскаго гражданскаго права“ и „Къ исторіи Свода Гражданскихъ Законовъ“. Первое изъ нихъ прочитано было въ видѣ вступительной лекціи въ Московскомъ университетѣ и представляетъ нѣко-

---

2) Преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя. Юрьевъ. 1895. 3) Обзоръ остзейскаго гражданскаго права. Пособіе къ лекціямъ. Юрьевъ. 1896. 4) Общіе и мѣстные гражданскіе законы. Записки Харьк. университ. 1896, кн. 2 (вступит. лекція въ Харьк. унив. 27-го января 1896). 5) Ф. Г. фонъ Бунге и остзейское гражданское право. Журн. Мин. Юстиц. 1897 г. кн. 8. 6) Der Satz des Sachsenspiegels von den essenden Pfänden in Russland. 1898. 7) Понятіе о залогѣ въ современномъ правѣ. Изслѣдованіе. Юрьевъ. 1898. 8) Источники русскаго гражданскаго права. Вступ. лекц. въ Моск. универс. 17-го января 1900. Москва 1900. 9) Запродажа и задатокъ. Изъ Журн. М. Ю. май 1903. 10) Къ столѣтію кодекса Наполеона. 1904. 11) Къ исторіи Свода Гражданскихъ Законовъ. Изъ Ж. М. Ю. мартъ 1904. 12) Зданія на чужой землѣ. Москва. 1905. 13) Неизвѣстность хозяина найденной вещи. Москва. 1905. 14) Русское поземельное право. Москва. 1907. 15) Византійское право въ Бессарабіи. Москва. 1907. 16) Россія на Дунаѣ и образованіе Бессарабской области. Москва. 1913. 17). Projet de code civil pour la Bessarabie 1824—1825. St. P. 18) Петръ Манега, забытый кодификаторъ Бессарабскаго права. С.-Пб. 1914. Изъ Ж. М. Н. П. за 1914 г.

торый особый интересъ при сопоставленіи со вступительной лекціей, прочитанной въ Харьковскомъ университетѣ. Въ харьковской лекціи Л. А. Кассо считаетъ для себя вполнѣ естественнымъ сопоставленіе съ законами общими законовъ мѣстныхъ, которыми до того онъ занимался въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевѣ). Тогда какъ въ Москвѣ уже нѣтъ упоминаній о мѣстныхъ законахъ. Это не значитъ, что онъ рѣшилъ болѣе не возвращаться къ вопросамъ мѣстнаго права и отказываетъ имъ въ какомъ бы то ни было значеніи для разработки и развитія общерусскаго гражданскаго права. Но главное вниманіе здѣсь должно быть направлено на общее право и въ частности на ту историческую стадію въ развитіи этого общаго права, которая пріурочивается именно къ Москвѣ въ ея отдаленномъ прошломъ. Эти темы настолько самостоятельны и самоцѣльны, что, по крайней мѣрѣ, въ програмной лекціи, долженствующей подчеркнуть самое важное, не было нужды упоминать о правахъ русскихъ окраинъ. Московская вступительная лекція интересна не только съ точки зрѣнія опредѣленія задачъ, которыя должны занимать русскаго цивилиста, но и какъ указаніе того матеріала, знакомство съ которымъ для историко-догматика представляется необходимымъ. Этотъ матеріалъ и въ частности московское законодательство съ дѣловой практикой отчасти уже изученъ, но въ значительной степени еще будетъ использованъ въ дальнѣйшихъ работахъ Л. А. Кассо.

Не меньшее значеніе для науки русскаго гражданскаго права имѣетъ и небольшое сочиненіе Л. А. Кассо подъ заглавіемъ „Къ исторіи Свода Законовъ Гражданскихъ“. Здѣсь авторъ съ совершенной опредѣленностью устанавливаетъ задачи и методъ изслѣдованія русскаго гражданскаго права, превосходно изобразивъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ русской исторіи вообще и въ исторіи русскаго гражданскаго права въ частности, моментъ, связанный съ именами гр. М. М. Сперанскаго и бар. Г. И. Розенкампфа.

Какъ уже было сказано, во вступительной лекціи въ Харьковскомъ университетѣ Л. А. Кассо считалъ для себя вполнѣ естественнымъ начать съ мѣстнаго права, отъ котораго ему надлежитъ перейти въ русскомъ университетѣ къ русскому гражданскому праву. Въ Юрьевѣ (по прежнему Дерптѣ) изученіе мѣстнаго гражданскаго права было не только естественно, но и формально обязательно для Л. А. Кассо, какъ занимавшаго каѳедру этого права. И изъ перечня работъ его мы видимъ двѣ посвященныя остзейскому праву. Изъ другихъ мѣстныхъ правъ Л. А. Кассо одну работу посвятилъ ко-

дексу Наполеона. Но особаго упоминанія и вниманія для характеристики покойнаго ученаго заслуживаютъ его работы по бессарабскому праву, представляющія собой нѣчто единое не только по темѣ, но и по исключительно историческому характеру. Бессарабія была близка Л. А. Кассо, который не задолго до смерти посвятилъ ей двѣ интересныя по широтѣ трактуемыхъ темъ и по живости изложенія работы.

Сочиненія Л. А. Кассо по спеціальнымъ вопросамъ относятся къ вещному, наслѣдственному и отчасти къ обязательственному праву. Л. А. Кассо больше всего интересовался вещнымъ и наслѣдственнымъ правомъ, потому что здѣсь онъ находилъ темы, по преимуществу удобныя для иллюстраціи тѣхъ воззрѣній и методовъ, которые болѣе всего соотвѣтствовали его научнымъ вкусамъ. Эти темы были особенно удобны для иллюстраціи особенностей русскаго права московскаго, императорскаго и современнаго.

Можно сказать, что двѣ отмѣченныя группы сочиненій, изъ которыхъ одна относится къ ученію объ источникахъ права, другая изучаетъ отдѣльные вопросы гражданскаго права, объединяются между собой не только тѣмъ, что однѣ какъ бы намѣчаютъ планъ работъ, выясняютъ методъ и опредѣляютъ матеріалъ, другія же иллюстрируютъ общія мысли, высказанныя въ первыхъ; эти двѣ группы объединяются и въ тѣхъ общихъ идеяхъ, которыя руководили Л. А. Кассо или которыя явились выводомъ изъ его научныхъ изслѣдованій.

Изслѣдованія по спеціальнымъ вопросамъ являются подробнымъ изученіемъ опредѣленнаго института гражданскаго права. Но попутно въ нихъ затрагиваются вопросы общаго характера, выходящіе за предѣлы избранной темы, для нея однако же не безразличные. Въ „Русскомъ поземельномъ правѣ“ Л. А. Кассо излагаетъ все ученіе о правахъ на недвижимое имущество, приводя въ защиту избраннаго имъ термина то соображеніе, что слово „поземельный“ шире, чѣмъ слово „вотчинный“, такъ какъ всякая недвижимость предполагаетъ наличность земли, тогда какъ понятіе о вотчинѣ въ жизни примѣняется только къ извѣстной категоріи земельныхъ участковъ. Съ другой стороны „поземельное право“ оказывается болѣе узкимъ, если вспомнить, что составители Проекта нашего гражданскаго уложенія называютъ вотчинными вообще всѣ вещныя права не только на недвижимое, но и на движимое имущество. Л. А. Кассо думаетъ, что ученіе о недвижимыхъ имуществахъ должно быть выдѣлено изъ общаго ученія о вещныхъ правахъ, такъ какъ двѣ категоріи предме-

товъ гражданскаго права — недвижимость и движимость совершенно обособились.

Раздѣленіе правъ на вещныя и обязательственныя останавливаетъ на себѣ вниманіе Л. А. Кассо въ сочиненіи о залогѣ. Какъ извѣстно, этотъ институтъ представляетъ значительныя трудности со стороны юридической конструкціи. Залогъ причисляется обычно къ вещнымъ правамъ. Но устанавливаемое въ видахъ обезпеченія это вещное право направляется не на индивидуальныя свойства заложенной вещи, а имѣетъ въ виду лишь цѣнность ея, и тѣмъ самымъ какъ бы приближается къ правамъ обязательственнымъ. Сложность залоговыхъ отношеній и нѣкоторая невыдержанность залогового права направили вниманіе юристовъ на отысканіе объекта залогового права, каковымъ, повидимому, нельзя считать вещь, такъ какъ залоговый кредиторъ на нее не имѣетъ правъ. Въ какой степени скользкій путь избрали юристы, отказавшіеся отъ вещи, какъ объекта залогового права, видно изъ того, сколь разнообразными оказались новые объекты залогового права, получающаго у нѣкоторыхъ авторовъ видъ не столько юридическаго, сколько экономическаго отношенія. Вмѣсто того, чтобы создать новыя юридическія формы для новыхъ, хотя и похожихъ на старыя, отношеній по обезпеченію правъ, юристы пытаются отыскать такую конструкцію, которая обняла бы всѣ сходныя по экономическимъ цѣлямъ отношенія и, не достигая цѣли, обезличиваютъ вѣками вырабатывавшійся институтъ. Л. А. Кассо не идетъ ни по одному изъ двухъ намѣченныхъ путей. Разрѣшеніе вопроса о конструкціи залога онъ видитъ въ пересмотрѣ или, лучше сказать, въ устраненіи самаго дѣленія гражданскихъ правъ на вещныя и обязательственныя, ни подъ одно изъ которыхъ, повидимому, не подходитъ залогъ. Дѣленіе правъ на вещныя и обязательственныя ему представляется въ извѣстномъ смыслѣ случайнымъ; оно ведетъ свое происхожденіе изъ римскаго формулярнаго процесса и сначала вовсе не имѣло того значенія, какое получило въ современной романистикѣ. Недостатокъ соотвѣтствія между нынѣшнимъ положеніемъ и точкой зрѣнія романистики и является, по всему вѣроятію, однимъ изъ препятствій къ безусловному распредѣленію правъ на личныя и вещныя. Но главное затрудненіе вытекаетъ, конечно, изъ наличности въ современномъ мірѣ правъ, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть причислены ни къ одной, ни къ другой категоріи. Изъ нихъ наибольшую брешь произвело авторское право, развившееся въ теченіе нынѣшняго вѣка и признанное теперь не вещнымъ и не личнымъ, а абсолютнымъ (По-

нятіе о залогѣ 1898 г., стр. 239—241). Противоположеніе абсолютнаго или безусловнаго относительному правомочію представляется Л. А. Кассо тѣмъ подраздѣленіемъ правъ, которое замѣнитъ собой распредѣленіе ихъ по рубрикамъ вещныхъ и обязательственныхъ. Онъ провѣряетъ эту будущую классификацію на опредѣленіи залогового права и думаетъ, что оставленіе римскихъ позицій и выходъ въ открытое море на встрѣчу новымъ вѣяніямъ можетъ оправдать всякія смѣлыя надежды (стр. 243—244).

Въ изслѣдованіи о преемствѣ наслѣдника въ долгахъ наслѣдодателя Л. А. Кассо встрѣтился съ довольно общимъ и важнымъ вопросомъ гражданскаго права—объ имуществѣ. Обнимается ли этимъ понятіемъ активъ и пассивъ или только одинъ активъ? Входятъ ли въ составъ наслѣдства не только вещи, но и требованія съ долгами? Вопросъ, затронутый Л. А. Кассо, представляетъ значительный интересъ для нашего законодательства и для установленія того или иного отношенія къ теченіямъ науки, пытающимся расширить понятіе вещи, съ которымъ, быть можетъ, тожественно понятіе имущества по русскому праву. Въ сущности говоря, значительная часть споровъ въ области залогового права и затрудненій при конструированіи этого понятія проистекаетъ отъ различія воззрѣній на имущество и вещи. Въ стремленіи объять однимъ понятіемъ многообразныя сдѣлки по обезпеченію обязательствъ, близкихъ между собой только по цѣли, современные юристы приходятъ къ самому широкому понятію вещи и имущества. Само собой разумѣется, что съ точки зрѣнія конструкцій—различные интересы связаны съ выясненіемъ понятія имущества въ общей части гражданскаго права и въ правѣ наслѣдственномъ. Но и для той, и для другой важно то ученіе, которое поддерживаетъ Л. А. Кассо, понимающій подъ имуществомъ только активъ. (Преемство, стр. 16 сл.).

Въ частности и особенности на раздѣленіи имуществъ (вещей) на недвижимыя и движимыя Л. А. Кассо останавливается въ статьѣ подъ заглавіемъ „Зданія на чужой землѣ“. Въ литературѣ этотъ вопросъ, разрѣшавшійся не безъ вліянія римскаго, а затѣмъ и прусскаго права, вызываетъ немало разногласій. Судебная практика въ прежнее время зданія на чужой землѣ считала недвижимостью, но впослѣдствіи встала на противоположную точку зрѣнія, и повліяла на воззрѣнія авторовъ Проекта гражданскаго уложенія. Между тѣмъ, по мнѣнію Л. А. Кассо, было бы цѣлесообразнѣе признавать домъ на чужой землѣ за недвижимость и на основаніи ст. 53 Положенія о нотаріальной части от-

крывать по мѣрѣ надобности для этой недвижимости отдѣльный листъ. Постановка вопроса о зданіяхъ на чужой землѣ представляется несомнѣнно ненормальной. Но, по мнѣнію автора, въ сущности, основаніе такого явленія лежитъ въ неудовлетворительности, которую въ данномъ случаѣ представляетъ раздѣленіе имуществъ на движимости и недвижимости“ (45—48).

Обращаясь къ спеціальнымъ вопросамъ, разработаннымъ Л. А. Кассо, остановимся прежде всего на магистерской диссертаціи, посвященной отвѣтственности наслѣдника за долги наслѣдодателя. Выставленный ст. 1529 Законовъ Гражданскихъ принципъ неограниченной отвѣтственности наслѣдодателя, по мнѣнію Л. А. Кассо, римскаго происхожденія. Условія, благопріятствовавшія расширенію отвѣтственности въ римскомъ правѣ, антагонизмъ между римскимъ принципомъ и противоположнымъ началомъ въ западноевропейскихъ законодательствахъ и, наконецъ, появленіе неограниченной отвѣтственности въ русскомъ правѣ, въ древности этого начала не знавшемъ, — таковъ общій планъ изслѣдованія Л. А. Кассо.

Авторъ совершенно не согласенъ съ тѣми писателями, которые изъ гипотезы перехода личности наслѣдодателя на наслѣдника выводятъ неограниченную отвѣтственность наслѣдника. Онъ не безъ основанія замѣчаетъ, что „эта личность, переживающая самого наслѣдодателя, является довольно загадочной конструкціей“. Другіе юристы, какъ извѣстно, считаютъ долги составной частью имущества и этимъ, именно, объясняютъ переходъ ихъ на наслѣдодателя. Но Л. А. Кассо полагаетъ, что какъ bona состоитъ только изъ актива, такъ и изъ понятія hereditas — должны быть исключены долги. Нельзя выводить неограниченной отвѣтственности наслѣдника и изъ понятія универсальнаго преемства, подъ которымъ разумѣется лишь переходъ актива uno acto. Но въ такомъ случаѣ, какъ же объяснить появленіе принципа неограниченной отвѣтственности въ римскомъ правѣ? Вступленіе наслѣдника въ долговыя отношенія наслѣдодателя, установленныя безъ его содѣйствія, вызваны прежде всего практическими соображеніями: смерть должника, какъ явленіе случайное, не должна лишать кредиторовъ того удовлетворенія, на которое они могли расчитывать при жизни наслѣдодателя. Такимъ образомъ, никто не сомнѣвался, что должникъ обязанъ удовлетворить кредиторовъ наслѣдодателя. Но и этотъ суровый принципъ неограниченной отвѣтственности не откуда было взять, какъ только изъ характера взысканія, направлявшагося не противъ имущества должника, а противъ его лично-

сти. При подобномъ порядкѣ взысканія въ эпоху XII Таблицъ не было никакой возможности ограничить отвѣтственность наслѣдника опредѣленными имущественными объектами.

Л. А. Кассо полагаетъ, что и изъ leges barbarorum нельзя вывести отвѣтственности наслѣдника за долги наслѣдодателя ultra vires hereditatis. Принципомъ всего средневѣкового права онъ считаетъ ограниченную отвѣтственность наслѣдника и отдѣльные случаи отвѣтственности всѣмъ имуществомъ объясняетъ особыми причинами, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда кредиторы мужа взыскиваютъ его долги съ имущества, внесеннаго въ бракъ его женой (ср. 112). Однако трезвый взглядъ германскаго права не удержался, и уже въ XIV и XV вѣкахъ встрѣчаются слѣды вліянія римскаго права съ его отвѣтственностью in solidum, обнаруживаемые прежде всего въ практикѣ церковныхъ судовъ. Но суровость римскаго принципа смягчена была введеніемъ инвентарной льготы (141, 145). Вообще же говоря, результатомъ рецепціи была нѣкоторая двойственность взглядовъ на отвѣтственность наслѣдника: никто не отрицалъ правъ кредитора на полное удовлетвореніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ считалось необходимымъ предоставить наслѣднику-должнику возможность объемъ своихъ обязательствъ привести въ соотвѣтствіе съ размѣромъ унаслѣдованнаго имущества (147).

Борьбу двухъ началъ Л. А. Кассо устанавливаетъ и для Франціи (2, 183).

Въ древнемъ русскомъ правѣ авторъ не находитъ слѣдовъ неограниченной отвѣтственности и не считаетъ возможнымъ заимствованіе принципа неограниченной отвѣтственности ни черезъ византійское, ни черезъ литовское право. Лишь въ началѣ XIX ст. появляется этотъ принципъ въ Проектѣ гражданскаго уложенія 1809 г. (277) и проникаетъ въ дѣйствующее законодательство, распространившись на всѣхъ наслѣдниковъ, со включеніемъ родителей, супруговъ и даже казны—въ отношеніи выморочнаго имущества. Л. А. Кассо считаетъ усвоеніе этого римскаго начала русскимъ правомъ особенно опаснымъ потому, что наше законодательство не позаимствовало beneficium inventarii, благодаря которому могутъ быть фактически устранены тѣ суровыя для наслѣдника послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ примѣненія римскаго начала (Пред.); и по мнѣнію автора, если возможно доказать, что неограниченная отвѣтственность вообще чужда современному правосознанію, и что нѣтъ основанія сохранить ее въ нашихъ гражданскихъ законахъ, то будетъ проще всего выставить по-

ложеніе, что наслѣдникъ отвѣтствуетъ только въ размѣрѣ унаслѣдованнаго, чѣмъ слѣдовать примѣру большинства законодательствъ, которыя не рѣшаются открыто покинуть римскую точку зрѣнія и провозглашаютъ неограниченную отвѣтственность, но тутъ же даютъ наслѣднику возможность пріурочить эту отвѣтственность къ размѣру унаслѣдованнаго имущества (295—296).

Заимствованіе неограниченной отвѣтственности наслѣдника должно считаться по мнѣнію Л. А. Кассо неудачнымъ и даже вреднымъ. Но очевидно, что не всегда рецепція должна вести къ такимъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ привело только что разсмотрѣнное римское начало. Если изъ борьбы двухъ принциповъ является компромиссъ, наиболѣе соотвѣтствующій жизненнымъ потребностямъ и правосознанію, то результаты вліянія чужого права, повидимому, надо считать благопріятными. Такіе результаты получились отъ вліянія римскаго права на западноевропейское въ ученіи о залогѣ. Придаточность залога—отличительная черта вещнаго обезпеченія у римлянъ (11). Западноевропейское право стоитъ на противоположной точкѣ зрѣнія: тамъ признается самостоятельность залога не только въ видѣ поглощенія требованія вещнымъ обезпеченіемъ, но и въ отрѣшеніи залога отъ связи съ обязательствомъ (28). Въ средніе вѣка и до рецепціи римскаго права обезпечившій свое требованіе кредиторъ тѣмъ самымъ отказывался отъ удовлетворенія изъ остальнаго имущества должника и сосредоточивалъ свое взысканіе на опредѣленной вещи, передаваемой или непередаваемой ему въ обладаніе. Обязаннымъ субъектомъ здѣсь является обладатель извѣстной вещи, но все же такое обезпеченіе нельзя назвать акцессорнымъ, потому что оно, поглощая личный искъ, не даетъ кредитору никакой добавочной гарантіи. Но связь залога съ causa debendi остается. И только въ теченіе XVIII в. постепенно устанавливается формализація ипотеки, представляющая новую особенность по сравненію съ римскимъ залогомъ (гл. 2). Такимъ образомъ, не смотря на рецепцію римской ипотеки, въ Германіи встрѣчаются напоминающія средневѣковое право явленія, при которыхъ удовлетвореніе изъ стоимости заложеннаго объекта исчерпываетъ право взысканія кредитора (196). Въ новомъ оборотѣ явленія этого порядка встрѣчаются въ залоговыхъ сдѣлкахъ кредитныхъ установленій (198). Здѣсь нѣтъ рѣчи о личномъ требованіи, и обязательственный искъ сливается съ вещнымъ. Эта смѣна взглядовъ происходитъ не путемъ общаго законодательства, а вводится спеціальными узаконеніями, статутами и уставами

разнообразныхъ учрежденій, призванныхъ удовлетворять потребности жизни (197).

Борьба двухъ принциповъ не чужда и исторіи французскаго права. Но догматъ акцессорности остается здѣсь въ неприкосновенности, и отвѣтственность, ограниченная однимъ предметомъ, мало понятна во Франціи (276).

Обращаясь къ изслѣдованію вопроса въ исторіи русскаго права, Л. А. Кассо утверждаетъ, что наличность долгового момента въ московскихъ закладныхъ актахъ безспорна, но его нельзя разсматривать съ точки зрѣнія ученія о главномъ обязательствѣ, обезпеченномъ придаточнымъ залогомъ въ римскомъ смыслѣ. Въ нашихъ заемныхъ кабалахъ залогодатель является обязаннымъ субъектомъ, но его долгъ носитъ тотъ особенный характеръ, что эквивалентъ занятой суммы уже предоставленъ кредитору въ видѣ залога, и кредиторъ не имѣетъ возможности воздѣйствовать на личность должника (290). Отличительную черту древне-русскаго залога надо усматривать въ просрочкѣ залога въ смыслѣ окончательнаго и безповоротнаго пріобрѣтенія права на вещь залогодержателемъ въ случаѣ неуплаты со стороны залогодателя, при чемъ заложенная вещь считается безусловнымъ эквивалентомъ за полученныя деньги, и другого взысканія кредиторъ не имѣетъ (300—301). Лишь указъ 24-го декабря 1557 г. говоритъ о продажѣ залога съ выдачей должнику излишка и о добавочномъ съ него взысканіи. Авторъ не допускаетъ столь крупнаго нововведенія и усматриваетъ здѣсь интерполяцію со стороны переписчика, заимствовавшаго новое правило съ нѣкоторыми видоизмѣненіями изъ Эклоги Льва и Константина (310). Въ императорскомъ законодательствѣ мы наблюдаемъ рядъ явленій въ области залогового права, представляющихъ выдающійся интересъ для исторіи этого института. И хотя въ результатѣ всего развитія нельзя было бы съ совершенной опредѣленностью установить черты нашего залогового права, но несомнѣнно, что рядомъ съ историческими принципами отечественнаго права встрѣчаются здѣсь и слѣды западнаго вліянія. Въ теченіе прошлаго и нынѣшняго вѣка (авторъ говоритъ это въ 1898 г.) выработались у насъ два вида залоговой отвѣтственности: 1) въ тѣхъ случаяхъ, когда обремененіе играетъ роль полнаго эквивалента за занятыя деньги и 2) примѣнительно къ такимъ явленіямъ, гдѣ вещная гарантія покрываетъ только часть вреда, наступающаго отъ неисполненія какого либо обязательства. Параллельно съ выдѣленіемъ этихъ двухъ типовъ залогового обремененія обнару-

живается постепенное расширеніе права распоряженія залогодателя, насколько дѣятельность его не противорѣчитъ цѣли залога. Для завершенія этого историческаго процесса было бы достаточно со стороны нашего законодательства постановить, что вообще запрещеніе, когда оно имѣетъ цѣлью только удержать опредѣленную стоимость вещи, не должно служить препятствіемъ къ отчужденію (393—394). Во всякомъ случаѣ въ дѣйствующемъ законодательствѣ нагляднѣе, чѣмъ гдѣ либо, обнаруживается сочетаніе личнаго и вещнаго моментовъ.

Итакъ, въ исторіи залога мы видимъ благотворное вліяніе чужого права, изъ котораго заимствуются моменты, нужные для оборота. Въ этомъ смыслѣ рецепція римскаго права вполнѣ допустима и даже, можетъ быть, желательна. Во всякомъ случаѣ уваженіе къ римскому праву, ради котораго сохраняются и донынѣ нѣкоторые его институты, представляется естественнымъ. Л. А. Кассо рекомендуетъ изученіе этого права наравнѣ съ отечественнымъ. „Въ этой двойственности занятій, говоритъ онъ въ лекціи объ источникахъ русскаго права, Сперанскій усматривалъ нѣкоторую трудность для нашихъ молодыхъ законниковъ. Но въ сущности вездѣ начинающіе юристы должны рядомъ съ національнымъ правомъ изучать также римское; и значеніе послѣдняго иногда лишь отступаетъ на второй планъ въ эпохи кодификаціи, въ эпохи увлеченія новой формулировкой старыхъ началъ“. Въ частности Россія „нуждается теперь въ распространеніи и укрѣпленіи юридическаго образованія. Необходимо это распространеніе прежде всего, чтобы подготовить судебныхъ дѣятелей; но помимо этой непосредственной потребности слѣдуетъ вообще расширить кругъ лицъ съ юридическими познаніями, и тѣмъ самымъ установить требуемыя рамки, создать благопріятную атмосферу, безъ которыхъ не можетъ рости юриспруденція, призванная примѣнять научныя понятія къ явленіямъ жизни“ (Источники, 15). Что Л. А. Кассо въ числѣ важнѣйшихъ элементовъ этого образованія ставитъ на видное, если не на первое мѣсто римское право, легко видѣть изъ его отношенія къ Петру Манегѣ и его проекту бессарабскаго гражданскаго уложенія. Петръ Манега, получившій свое юридическое образованіе за границей, былъ воспитанъ на римскомъ правѣ и широко использовалъ знакомство съ нимъ при составленіи названнаго проекта. Труды Манеги не увѣнчались успѣхомъ, и авторъ вмѣстѣ съ составителемъ этого проекта скорбитъ о неудачѣ, результатомъ которой было то низкое состояніе права и правосудія на окраинѣ, которое долженъ былъ устранить кодексъ.

Римское право должно занимать важнѣйшее мѣсто въ системѣ юридическаго образованія. Допустимо даже усвоеніе жизненныхъ элементовъ римскаго права новыми системами. Но заимствованія, не оправдываемыя потребностями, лишь тормозятъ развитіе права, вынуждая тратить энергію на борьбу съ реципированными нормами.

Рецепція интересуетъ Л. А. Кассо не сама по себѣ, а лишь какъ факторъ въ развитіи отечественнаго права. Изслѣдованіе о преемствѣ наслѣдника въ долгахъ наслѣдодателя онъ называетъ комментаріемъ ст. 1529 Законовъ гражданскихъ. Путемъ уясненія степени постороннихъ вліяній юристу удается установить то, что составляетъ достояніе отечественнаго права и является результатомъ: 1) историческаго саморазвитія и 2) самоусовершенствованія. Л. А. Кассо основной задачей своихъ изслѣдованій считалъ изученіе этихъ двухъ темъ.

Само собою разумѣется, ни та, ни другая не можетъ считаться новой. Въ частности самостоятельность русскаго правоpазвитія, самобытность и даже исключительность, не разъ занимала русскихъ юристовъ. Но, быть можетъ, нѣкоторыя крайности изслѣдователей, вытекавшія изъ не всегда безспорныхъ методовъ изслѣдованія, ограничили число сторонниковъ этихъ идей и до извѣстной степени умалили ихъ значеніе и распространеніе. Если обычно мысли о саморазвитіи и самоусовершенствованіи иллюстрировались на изученіи древняго русскаго права, болѣе удобнаго въ виду незначительнаго обособленія правъ отдѣльныхъ народовъ на извѣстной ступени развитія, но въ то же время и представляющаго чрезвычайныя трудности, въ виду недостаточной ясности изображенныхъ въ древнихъ кодексахъ правовыхъ явленій, то Л. А. Кассо съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на правѣ московскомъ и императорскомъ. Историко-догматическое изученіе гражданскаго права во всякомъ случаѣ ставитъ на свое мѣсто идеи національности и заимствованія, всегда склонныя къ излишней конкурренціи и самопреувеличенію. Л. А. Кассо не отстаивалъ во что бы то ни стало самостоятельность каждаго института русскаго гражданскаго права и отнюдь не исключалъ, какъ было указано, возможности и даже желательности заимствованія.

Вопросъ о характерѣ и степени вліянія римскаго права на европейское правоpазвитіе можно считать вполнѣ выясненнымъ. Можетъ быть, только изученіе статутовъ итальянскихъ городовъ ранняго средневѣковья, еще не должно считаться законченнымъ съ точки зрѣнія установленія соотношенія между римскимъ правомъ и правомъ народныхъ правдъ, которыя такъ же подверглись римскимъ вліяніямъ,

но которыя все же прежде всего должны считаться памятниками національнаго права.

Но если всѣ памятники средневѣковаго европейскаго праворазвитія въ той или иной степени испытали на себѣ вліяніе римскаго права, то такого же категорическаго положенія относительно русскаго права никѣмъ не выставляется. И вообще степень и характеръ вліянія римскаго права на русское можно считать не вполнѣ изученными. Но, казалось бы, оно не должно быть хоть сколько-нибудь значительнымъ. И притомъ такое вліяніе вообще могло быть лишь въ сравнительно позднюю пору московско-литовскаго періода. Неудивительно, поэтому, что въ поискахъ иноземныхъ началъ въ русскомъ правѣ древности, если исключить естественное и безспорное воздѣйствіе греческаго права, изслѣдователи обращались не къ римскому, а къ сѣверному праву. Скандинавское вліяніе на право новгородцевъ казалось не только естественнымъ, но и неизбѣжнымъ, въ виду частыхъ соприкосновеній русскихъ со скандинавами. Сходство постановленій Русской Правды съ скандинавскими памятниками и институтами укрѣпляло мысль о заимствованіи со стороны нашихъ предковъ. Въ настоящее время, проводя аналогію между правомъ и языкомъ, быть можетъ, мы должны были бы говорить не столько о заимствованіяхъ отъ сѣверныхъ сосѣдей, сколько о взаимныхъ вліяніяхъ (ср. Шаровольскій, О славянскихъ заимствованіяхъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ. Кіевъ, 1904). О заимствованіяхъ не только русскихъ у грековъ, но и обратно говорится уже давно. Но, если нѣтъ основаній преувеличивать значеніе римскаго права для русскаго праворазвитія, то нельзя и совершенно умалять его. Въ вступительной лекціи объ источникахъ русскаго гражданскаго права Л. А. Кассо напоминаетъ, что „Сперанскій почти безусловно отрицалъ даже посредственное воздѣйствіе римскаго права на наше законодательство. Но уже въ его время подобный взглядъ нуждался въ нѣкоторой поправкѣ, а теперь еще легче подыскать изданныя у насъ въ теченіе XIX вѣка узаконенія, гдѣ отражаются римскія ученія, заимствованныя нами изъ западныхъ кодексовъ. Эта посредственная рецепція носитъ у насъ своеобразный, отрывочный характеръ, который истекаетъ изъ самаго способа воспріятія. Въ Россіи не было въ этомъ отношеніи постепенной работы со стороны науки и практики, которая установила бы въ системѣ гражданскаго права гармонію и единообразіе: чисто законодательная рецепція не могла избѣгнуть пробѣловъ и недочетовъ“. „Недостаточность законодательныхъ постано-

вленій вызвала уже тогда (въ московскомъ періодѣ) заимствованія изъ иностранныхъ источниковъ, византійскихъ, литовскихъ; нѣкоторыя изъ этихъ заимствованій носили характеръ временнаго заполненія пробѣла или даже интерполяціи; другія, наоборотъ, получили офиціальное признаніе и удержались впослѣдствіи" (стр. 4).

Иноземныя вліянія на русское праворазвитіе, такимъ образомъ, имѣли мѣсто въ прошломъ, но они желательны и въ будущемъ. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Л. А. Кассо, значительную роль должны играть мѣстныя законодательства, развивавшіяся подъ вліяніемъ римскаго и западно-европейскихъ законодательствъ. Л. А. Кассо не одинъ разъ останавливался на вопросахъ, связанныхъ съ мѣстными правами, но не столько съ точки зрѣнія конфликта нормъ, сколько съ точки зрѣнія объединенія или сліянія мѣстнаго права съ общимъ. Объединеніе это вообще не легко достижимо. Даже въ области обязательственнаго права, въ которомъ такую роль играетъ торговое право—живое, постоянно развивающееся, нѣтъ возможности говорить о единствѣ права. Отношеніе Л. А. Кассо къ мѣстнымъ правамъ явствуетъ изъ его указанія на примѣръ римлянъ, которые никогда не навязывали своего jus civile покореннымъ народамъ и, напротивъ того, сами пользовались нормами чужеземнаго права. Въ новой исторіи любопытный примѣръ ассимиляціи гражданскихъ нормъ нѣсколькихъ провинцій представляетъ Франція, въ которой постепенно расширялось поле дѣйствій Coutume de Paris, все болѣе и болѣе приближавшагося къ праву южной Франціи, реципировавшему римское право. Л. А. Кассо говоритъ о медленномъ созиданіи общаго гражданскаго права, поглощающаго силой вещей узаконенія другихъ территорій и подвергающаго ихъ и себя постепенному преобразованію. И это представляется ему явленіемъ отраднымъ и желательнымъ, свидѣтельствующимъ объ интенсивности общежитія. Но если этотъ процессъ въ одномъ государствѣ достигъ уже цѣли, то въ другомъ находится еще въ зачаткѣ. У насъ еще не наступило время естественнаго сліянія общаго матеріальнаго права съ jus particulare. И во всякомъ случаѣ, какова бы ни была участь нашихъ территоріальныхъ особенностей въ будущемъ, можно теперь уже предчувствовать, что не современному Своду гражданскихъ законовъ суждено вытѣснить, въ качествѣ jus universale, узаконенія мѣстныя, которыя по примѣру другихъ государствъ, быть можетъ, войдутъ въ составъ общаго права (Общіе и мѣстные законы 59—61). Въ статьѣ, посвященной Ф. Г. фонъ Бунге, Л. А. Кассо съ полной опредѣленностью

указываетъ на цѣнность трудовъ Бунге, которому удалось подвести итоги предшествующему праворазвитію и положить твердое основаніе для дальнѣйшаго, а равно и на выдающіяся качества Свода мѣстныхъ узаконеній. Но что же представляетъ изъ себя Сводъ гражданскихъ узаконеній? Онъ имѣетъ несомнѣнное сходство съ нѣкоторыми западными кодексами, такъ какъ является результатомъ рецепціи римскихъ нормъ на почвѣ древне-германскихъ юридическихъ началъ. Эту двойственность въ происхожденіи легко прослѣдить черезъ весь остзейскій Сводъ; его можно сравнить съ соединеніемъ двухъ рѣкъ, которыя, несмотря на то, что текутъ уже въ общемъ руслѣ, долго еще будутъ сохранять каждая свой отдѣльный цвѣтъ: одна—прозрачность горной воды, другая—желтоватую окраску песчаныхъ береговъ (Общіе и мѣстные гражданскіе законы, 51).

Вліяніе одного законодательства на другое представляется вполнѣ естественнымъ; а экономія правового творчества дѣлаетъ столь цѣлесообразнымъ заимствованіе, что выясненіе степени и желательности такого заимствованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельности отечественнаго права не могло не останавливать на себѣ исключительнаго вниманія такого юриста, какимъ былъ Л. А. Кассо, не склонный слѣдовать за непровѣреннымъ мнѣніемъ, хотя бы даже ставшимъ господствующимъ.

Общимъ мѣстомъ мало-по-малу дѣлалось и мнѣніе о несамостоятельности свода гражданскихъ законовъ. Недавно скончавшійся Г. Ф. Шершеневичъ, поставивъ вопросъ о томъ, гдѣ вообще можно почерпать начала самобытности права, говоритъ, что, „среди немногочисленныхъ отдѣловъ русскаго гражданскаго права историческимъ духомъ болѣе всего отдаютъ правила законнаго наслѣдованія. Но эти-то правила болѣе всего расходятся съ общественнымъ правосознаніемъ“.

По утвержденію этого юриста, „въ Сводѣ гражданскихъ законовъ имѣется рядъ статей, заимствованныхъ изъ положеній, которыя созданы были предъ самымъ изданіемъ Свода... Замѣтимъ при этомъ, что законы эти изготовлялись при непосредственномъ участіи того же Сперанскаго, именно въ виду сводныхъ работъ, и представляли собой свободное заимствованіе изъ западныхъ образцовъ“ (Курсъ гражданскаго права 1901—1902 г., стр. 434—435). Своими взглядами на историческое развитіе русскаго права проф. Шершеневичъ уже не могъ привлечь сторонниковъ и послѣдователей. Но самъ онъ въ значительной степени былъ несомнѣннымъ послѣдователемъ г. М. Винавера, который еще въ 1895 году (Ж. М. Ю. № 8 и 1897 г. № 6, нынѣ

въ книгѣ „Изъ области цивилистики“ 1908 г., стр. 11 и сл.) доказывалъ прямыя и косвенныя заимствованія Сперанскаго, проводившаго „подъ оболочкою русскихъ законовъ иноземныя начала“ (стр. 14).

Высказанные гг. Шершеневичемъ и Винаверомъ взгляды какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали предустановленному отношенію къ законамъ гражданскимъ какъ кодексу, почти не имѣвшему положительныхъ качествъ. Одно изъ направленій въ исторіи русскаго права должно считаться лишь любопытнымъ эпизодомъ, не оказавшимъ вліянія на научныя построенія, но оно слишкомъ близко къ только что отмѣченнымъ воззрѣніямъ на дѣйствующее русское законодательство, чтобы здѣсь не отмѣтить и его. Я имѣю въ виду историческія изслѣдованія Г. М. Барацъ, который положилъ не мало трудовъ на изученіе памятниковъ древняго русскаго права и пришелъ къ мысли о несомнѣнномъ прямомъ воздѣйствіи Моисеевыхъ законовъ и талмуда на древне-русскій правовой бытъ и на духовную и народную словесность черезъ посредство главнымъ образомъ іудео-хозаръ (Опытъ возстановленія текста и объясненія древне-русскихъ юридическихъ памятниковъ. Кіевъ, 1908, стр. 7).

Эти теченія въ русской литературѣ мало останавливали на себѣ вниманія юристовъ какъ историковъ, такъ и догматиковъ, не смотря на то, что повтореніе ихъ могло создать такую же привычку, какой надо считать отрицательную критику законовъ гражданскихъ.

Л. А. Кассо, миновавъ мнѣнія г. Барацъ, не обошелъ теорій гг. Винавера и Шершеневича.

Своими работами онъ убѣдительно доказываетъ важность историческаго изученія русскаго гражданскаго права и извѣстную самостоятельность его развитія. Еще въ харьковской вступительной лекціи Л. А. Кассо говорилъ: „Оригинальнымъ защитникомъ будущаго проекта гражданскаго уложенія является г. Винаверъ въ статьяхъ объ источникахъ I ч. X т., гдѣ онъ, какъ видно, съ цѣлью оправдать угрожающія намъ выписки изъ калифорнскаго и саксонскаго уложенія, обстоятельно доказываетъ иноземное происхожденіе цѣлаго ряда статей дѣйствующаго гражданскаго законодательства“ (61). А затѣмъ онъ возвращается для болѣе обстоятельнаго опроверженія этихъ воззрѣній въ работѣ подъ заглавіемъ „Къ исторіи Свода гражданскихъ законовъ“.

Возражая г. Винаверу по поводу его утвержденія, что Сперанскій, прикрывшись названіемъ Свода и воспользовавшись рамками стараго,

создалъ новое право, заимствованное изъ западно-европейскихъ законодательствъ и литературы, Л. А. Кассо указалъ, что если Сперанскій для IV книги дѣйствительно воспользовался иностранными образцами, то для первыхъ трехъ книгъ онъ нашелъ значительную помощь въ другомъ памятникѣ, составленномъ въ Россіи до него, а именно въ Основаніяхъ права, извлеченныхъ изъ Систематическаго свода существующихъ законовъ Россійской Имперіи, составленныхъ барономъ Розенкампфомъ. Сводъ, какъ извѣстно, изготовленъ былъ по требованію государственнаго совѣта, который хотѣлъ провѣрить степень соотвѣтствія Проекта 1809 г. съ русскимъ законодательствомъ. А Основанія призваны были „отвратить неизвѣстность, покрывающую донынѣ наше законодательство, облегчить затрудненія присутственныхъ мѣстъ въ пріисканіи и примѣненіи законовъ“. Если даже Основанія иногда цѣликомъ воспроизводятъ положенія Проекта въ увѣренности ихъ русскаго происхожденія, то все же сопоставленіе Основаній со Сводомъ дѣйствующаго права съ одной стороны и съ Проектомъ 1809 года съ другой дастъ важный матеріалъ для опредѣленія степени самостоятельности Свода Законовъ Гражданскихъ и важности Основаній въ исторіи развитія русскаго гражданскаго права.

Допуская римскія и западноевропейскія вліянія на отечественное право, Л. А. Кассо не усматривалъ въ нихъ единственнаго способа его усовершенствованія. И, какъ видѣли, покойнаго цивилиста тревожили тѣ выписки изъ калифорнскаго и саксонскаго уложеній, которыя занимали столь важное мѣсто среди подготовительныхъ къ Проекту гражданскаго уложенія трудовъ. Авторы Проекта желали исходить изъ историческихъ основъ дѣйствующаго гражданскаго права, но, какъ думалъ Л. А. Кассо, усматривавшій въ этомъ и неуспѣхъ работъ комиссіи, они въ двухъ своихъ Проектахъ—устава объ опекахъ и устава вотчиннаго—дали образецъ чистаго „права юристовъ“ въ наименѣе желательной формѣ, именно, въ смыслѣ права, отрѣшеннаго отъ дѣйствительности и построеннаго на догматическихъ соображеніяхъ, а въ данномъ случаѣ—основаннаго почти исключительно на заимствованіяхъ изъ иностранныхъ источниковъ. Къ этимъ двумъ Проектамъ присоединился въ концѣ прошлаго года Проектъ обязательственнаго права, которому, можетъ быть, не суждено быстрѣе двигаться по законодательнымъ инстанціямъ уже потому, что и въ немъ легко найти рѣзкія отступленія отъ условій нашего теперешняго быта“ (Источники, стр. 14).

Постепенное развитіе и историческая преемственность представля-

лась Л. А. Кассо необходимой, а коренная ломка опасной и въ извѣстномъ смыслѣ невозможной, такъ какъ при какихъ угодно перемѣнахъ „дѣйствующее законодательство не утрачиваетъ своего значенія“ (Поземельное право. Введеніе 11). Нѣсколько сдержанное отношеніе къ общему пересмотру гражданскихъ законовъ проистекало у Л. А. Кассо и изъ соображеній о сложности работъ (Преемство, 295) и неизбѣжной, быть можетъ, медленности ихъ.

Л. А. Кассо сознавалъ почти неодолимыя при данномъ состояніи науки русскаго гражданскаго права затрудненія въ созданіи Проекта гражданскаго уложенія, вполнѣ соотвѣтствующаго историческимъ основамъ права, и потому считалъ болѣе осторожнымъ производить частичное улучшеніе дѣйствующаго законодательства.

Въ сочиненіи, посвященномъ залогу, онъ особенно охотно отмѣчаетъ тѣ моменты въ исторіи этого института, когда законодатель удачно разрѣшалъ запросы жизни — въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ, уставахъ и статутахъ учрежденій. Можно сказать, что исторія залога больше, чѣмъ исторія какого либо другого института, удовлетворяла Л. А. Кассо и даже мирила его съ тѣми недостатками института, которые по временамъ обнаруживались и сейчасъ же устранялись законодателемъ.

Въ работѣ подъ заглавіемъ Зданія на чужой землѣ (47) онъ говоритъ: „самое право изъ договора найма (подъ выстройку) подлежало бы внесенію въ реестръ по аналогіи съ случаемъ, нормированнымъ въ ст. 1703 1 ч. X т. Этимъ прежде всего была бы достигнута гласность ограниченія, созданнаго по отношенію къ вотчиннику. Но для оборотоспособности самаго объекта обладанія одной отмѣтки еще мало: нужно открыть въ реестрѣ особый листъ, отводимый этому зданію. А къ такому новшеству можетъ быть надо было приступить на основаніи нынѣ дѣйствующаго нотаріальнаго порядка, и не дожидаясь перекройки нашей вотчинной регистраціи“ (47).

Но если дѣятельность законодателя является безспорнымъ средствомъ улучшенія права, то не можетъ ли съ нею конкурировать правовой обычай, какъ форма права наиболѣе подвижная? Мы знаемъ, какъ рѣзко раздѣляютъ современныхъ юристовъ взгляды на обычай въ соотношеніи его къ закону. Болѣе поздней фазой въ исторіи вопроса однако же можно считать сдержанное отношеніе къ обычаю, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время мы мыслимъ обычай лишь въ видѣ мѣстнаго. А мѣстный обычай обнаруживаетъ склонность къ партикуляризму и, слѣдовательно, представляетъ извѣстную опасность

для общаго законодательства. Вопросъ о роли обычая въ исторіи права также не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Гипотетически можно говорить, что чѣмъ глубже въ исторію, тѣмъ больше мѣста обычаю. Но едва ли можно было бы утверждать, что историки права вполнѣ точно опредѣлили роль законодательной дѣятельности въ древности. Отрицать же ее вообще, повидимому, никто не рѣшается, по крайней мѣрѣ, для исторически засвидѣтельствованной эпохи. На роли обычая въ московское время останавливается и Л. А. Кассо, удостовѣряя, что законодательная власть ничего не дѣлала для развитія или поддержанія обычая. „И въ концѣ этого періода судьи, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ учрежденіяхъ, повидимому „уже не прибѣгаютъ къ обычаямъ, даже какъ къ субсидіарному источнику права: въ случаяхъ недостаточности закона они охотно обращаются къ верховной власти за разъясненіями или дополненіями. Эта характерная черта предвѣщаетъ уже наступленіе періода Имперіи, въ которомъ законодательство получаетъ значеніе чуть ли не исключительнаго источника права, тогда какъ обычай совершенно отступаетъ на задній планъ. Усиленіе и распространеніе крѣпостного права не позволили широкимъ слоямъ населенія играть роль правопроизводящаго фактора и придавать бытовымъ воззрѣніямъ силу юридическихъ нормъ. Законодательству пришлось одному работать для удовлетворенія нуждъ оборота, и можно только удивляться размѣрамъ дѣятельности, проявленной у насъ государственной властью. Даже при бѣгломъ обозрѣніи соотвѣтствующихъ узаконеній въ Полномъ Собраніи Законовъ за XVIII вѣкъ и первую половину XIX получается поразительная картина той заботливости и энергіи, которыя были направлены къ упорядоченію нашего гражданскаго быта. Для насъ кромѣ того лестно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ наше законодательство стремилось проводить благотворныя начала, тогда еще не вездѣ признанныя на Западѣ: я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду оглашеніе сдѣлокъ о недвижимостяхъ“ (Источники русскаго гражданскаго права, 5).

Но авторъ не можетъ не признать, что энергичная дѣятельность государства, направленная на улучшеніе и развитіе нашего гражданскаго права, иногда нивеллировала общественное правосознаніе и не считалась съ бытовыми воззрѣніями, которыя въ нѣкоторыхъ областяхъ права такъ легко могли бы выразиться въ обычаѣ. Л. А. Кассо полагаетъ, что напр. участь имущественныхъ отношеній между супругами въ значительной степени была результатомъ этой чрезмѣрной

энергіи. Отношенія супруговъ по имуществу, по мнѣнію его, существовали еще въ XVIII вѣкѣ, но не нормировались писаннымъ правомъ, что и дало законодателю формальное основаніе отрицать всякое воздѣйствіе брака на имущество брачущихся, и, такимъ образомъ, получился любопытный контрастъ нашего дѣйствующаго права: съ одной стороны неограниченное личное подчиненіе жены мужу, а съ другой полная разрозненность въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ (Источники гражданскаго права, 7). Но въ иныхъ случаяхъ общественному правосознанію удавалось брать верхъ надъ законодательствомъ, доходившимъ до крайностей въ реформирующей дѣятельности и пренебрегавшей прежними началами, имѣвшими право на дальнѣйшее существованіе. Сюда относится, напр., указъ о единонаслѣдіи 1714 г. Но общественное правосознаніе, съ другой стороны, нерѣдко тормозило дѣятельность законодательства, получавшую надлежащее направленіе. Всѣмъ извѣстна, говоритъ Л. А. Кассо, неудача залоговой реформы 1737 г., имѣвшей цѣлью замѣнить просрочку заложенной вещи обязательною продажею. Заимодавцы усмотрѣли въ этой перемѣнѣ опасность для своихъ интересовъ, и пришлось черезъ нѣсколько лѣтъ вернуться къ дореформенной системѣ, слѣды которой еще не окончательно исчезли изъ нашего нынѣ дѣйствующаго права (Источники, 6).

Придавая большое значеніе общественному правосознанію въ дѣлѣ развитія права, Л. А. Кассо ищетъ наиболѣе удобную форму выраженія этого правосознанія,—и усматриваетъ ее въ судебной практикѣ. И здѣсь римское право оказывается особенно интереснымъ и привлекательнымъ. По мнѣнію Л. А. Кассо, при изученіи этого права оставляетъ въ каждомъ изъ насъ ободряющее энергію представленіе о той роли, которую могутъ играть юристы въ правовомъ развитіи культурнаго общества. Исключительное мѣсто Рима въ исторіи права объясняется не интенсивностью законодательной дѣятельности, не оригинальностью институтовъ, а исключительно научной разработкой права. Римъ, именно, создалъ юриспруденцію: представители послѣдней, юристы, распространяли юридическія знанія своими отвѣтами и сочиненіями. Но извѣстно, что эта дѣятельность юристовъ стояла въ тѣснѣйшей связи съ судебной практикой и въ особенности съ дѣятельностью претора. Это и есть viva vox juris civilis. Конечно, не всякій судья находится въ столь благопріятныхъ условіяхъ, какъ римскій преторъ или какъ древнѣйшій германскій судья, извлекающій изъ собственнаго правосознанія нужныя для рѣшенія дѣла начала.

Но даже въ странахъ съ законченною кодификаціею не исключена творческая роль судьи. И несмотря ни на какіе запреты, судья не можетъ чисто механически примѣнять законъ. Онъ выдвигаетъ свое пониманіе, свой образъ мыслей, и легко можетъ получиться рѣшеніе, не всегда соотвѣтствующее тому смыслу, который могла или должна была имѣть статья закона въ глазахъ ея составителей. Понятно поэтому, что творческая дѣятельность судьи обоюдоострая и должна быть допущена лишь въ случаяхъ существенной потребности. Образованіе и личныя качества судей достаточно гарантируютъ общество отъ увлеченія въ этомъ отношеніи, и кромѣ того верховный судъ всегда можетъ умѣряющимъ образомъ дѣйствовать на низшія инстанціи. Наблюдая исторію русскаго праворазвитія, Л. А. Кассо утверждаетъ, что наша судебная практика внесла много толкованій и даже измѣненій закона соотвѣтственно нуждамъ жизни и вообще давно уже служитъ созидающимъ факторомъ. И она не только пополняетъ дѣйствующее право. Созданное судебной практикой обычное право отличается гибкостью и подвижностью. Эти качества и достигнутые успѣхи даютъ право разсчитывать на ея услуги въ будущемъ развитіи нашего гражданскаго права. Даже введеніе новаго уложенія не измѣнитъ положенія дѣлъ, такъ какъ роль судебной практики и ея содѣйствіе по прежнему будутъ необходимы. (Источники, 3, 6 сл. 12, 15).

Предыдущее изложеніе должно было показать тѣ темы, которыя занимали Л. А. Кассо, и тѣ общія идеи, которыя руководили имъ при разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Но каковъ же матеріалъ, на основаніи котораго онъ уяснялъ природу важнѣйшихъ институтовъ гражданскаго права и при помощи какого метода стремился получить научные выводы?

Среди русскихъ цивилистовъ не мало знатоковъ исторіи западноевропейскаго права и источниковъ русскаго права—древняго и московскаго. Въ многочисленныхъ диссертаціяхъ мы имѣемъ по отдѣльнымъ вопросамъ хорошіе образцы историко-догматическихъ изслѣдованій. Но, кажется, не будетъ преувеличеніемъ утвержденіе, что работы Л. А. Кассо свидѣтельствуютъ объ особо выдающихся его познаніяхъ въ области исторіи гражданскаго права западноевропейскаго и русскаго. Всѣмъ извѣстно, какой интересъ для историка права представляютъ источники и практика среднихъ вѣковъ. И Л. А. Кассо долженъ быть выдвинутъ изъ ряда русскихъ юристовъ по знанію источниковъ права и правопознанія этого времени. Быть можетъ, онъ болѣе освѣдомленъ въ городскихъ правахъ поздняго

средневѣковья и менѣе интересовался болѣе старыми юридическими матеріалами—варварскими правдами, статутами итальянскихъ городовъ, формулами; быть можетъ, его вниманіе по преимуществу привлекали источники германскаго, меньше французскаго права; быть можетъ, сопоставленіе Рима, Германіи и Франціи можно считать не исчерпывающимъ многихъ возможныхъ матеріаловъ. Но достаточно перелистать двѣ диссертаціи Л. А. Кассо, чтобы признать, въ сколь широкихъ предѣлахъ затронутъ Л. А. Кассо матеріалъ, относящійся къ избранной имъ области изслѣдованія.

По исторіи русскаго гражданскаго права Л. А. Кассо нѣсколько меньше занятъ памятниками древнѣйшаго права, но хорошо изучилъ законодательство и въ особенности юридическую практику московскаго времени и обнаружилъ самое широкое знакомство съ источниками права императорскаго періода. Выборъ источниковъ обусловливался методомъ изслѣдованія, который въ свою очередь опредѣлялся матеріаломъ. Наши старые историки науки гражданскаго права придавали не только большое, но и рѣшающее для русской науки значеніе Полному Собранію Законовъ и Своду Законовъ. „Законовѣдцы, жившіе прежде нашего времени, писалъ А. Благовѣщенскій (Исторія методъ науки законовѣдѣнія, 76): не могли создать науки отечественнаго законовѣдѣнія, главнымъ образомъ потому, что не имѣли ни Полнаго Собранія, ни Свода Законовъ. Нынѣ сіи источники открыты во всевозможной чистотѣ и полнотѣ и еще непрестанно обогащаются новымъ приливомъ законодательства и исторіи“.

А. Станиславскій (О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи, 1853, 59) говорилъ: „Въ основаніи Свода дѣйствующихъ законовъ Россійской Имперіи положено Полное Собраніе Законовъ, представляющее ихъ въ постепенномъ, историческомъ развитіи; съ другой—неизмѣнное желаніе правительства утвердить науку отечественнаго права на прочномъ фундаментѣ, построенномъ изъ историческаго матеріала. Благое это желаніе обнаружилось въ заботливости объ изданіи древнѣйшихъ памятниковъ законодательства и юридическаго быта, а еще болѣе въ направленіи, какое сознательно дано было большей части молодыхъ русскихъ юристовъ, отправленныхъ въ Берлинъ для изученія историческаго метода подъ руководствомъ Савиньи“.

Лучшіе юристы стараго времени съ полнымъ основаніемъ усматривали причину успѣха русской юридической науки въ обращеніи къ историческому изученію права, давшему богатые плоды, и ставили въ заслугу правительству содѣйствіе развитію историческихъ знаній.

Матеріалъ для догматическаго изученія русскаго гражданскаго права значительно болѣе однообразенъ, во всякомъ случаѣ несравненно болѣе сконцентрированъ, чѣмъ историческій: это Сводъ Законовъ и въ частности Сводъ Законовъ Гражданскихъ. Старые юристы были убѣждены, что „обнародованіе Свода Законовъ должно считать эпохой, съ которой начинается полное догматическое изученіе россійскаго законодательства и новѣйшей его исторіи. Принятые во вниманіе высокіе образцы древнихъ и новѣйшихъ кодексовъ, полнота матеріаловъ, всегда послушная систематическимъ пріемамъ редакторовъ, ручаются за прочность кодификаціи и будущее совершенство догматическаго правовѣдѣнія. Раскрытіе и указаніе источниковъ при каждой статьѣ Свода есть одно изъ важнѣйшихъ пожертвованій, сдѣланныхъ редакторами на пользу отечественнаго образованія“ (Морошкинъ. Предисловіе къ перев. Рейца).

Старая юридическая литература въ настоящее время не очень высоко разцѣнивается, а часто даже забыта. И объ этомъ нельзя не жалѣть, хотя бы потому, что наши болѣе или менѣе отдаленные предшественники съ любовью относились къ отечественному законодательству и имъ гордились. И старые юристы оставили научное наслѣдство, о которомъ мы чаще всего говоримъ лишь, что оно и до сихъ поръ не утратило значенія, но которое въ дѣйствительности заслуживаетъ гораздо высшей оцѣнки. Свидѣтели появленія Свода Законовъ, естественно, не могли не восторгаться имъ. Но почему измѣнилось отношеніе къ Своду въ послѣдующее время? Я не думаю, чтобы причина такой перемѣны лежала въ высокомъ научномъ уровнѣ второй половины конца девятнадцатаго столѣтія по сравненію съ срединой и первой четвертью. Можетъ быть, было бы сочтено за большую смѣлость распространить сказанное и на начало девятнадцатаго вѣка, но стоило бы назвать Горюшкина, Терлаича, изъ восемнадцатаго вѣка Дильтея, чтобы отвергнуть обвиненіе въ голословности такого заявленія. Преемственность въ идеяхъ, которыя разрабатываются учеными, несомнѣнно и неизбѣжно существуетъ, но сознаніе и признаніе этой преемственности не всегда наблюдается. А въ періоды наибольшаго увлеченія чужимъ правомъ и чужой литературой прерывается и преемственность. Семидесятые и послѣдующіе годы прошлаго столѣтія ознаменовались оживленіемъ законодательной и литературной дѣятельности въ западноевропейскихъ государствахъ, и старая русская литература была предана забвенію, а изученіе дѣйствующаго законодательства, въ качествѣ

неизбѣжной прибавки, стало восполнять изложеніе гражданскаго права по иноземнымъ образцамъ, лишь для того, чтобы показать отсталость отечественнаго законодательства. Въ рядъ слишкомъ рѣшительныхъ критиковъ Свода Гражданскихъ Законовъ я не хотѣлъ бы ставить П. П. Цитовича, одного изъ выдающихся русскихъ юристовъ, имѣвшаго вполнѣ самостоятельныя воззрѣнія на важнѣйшіе вопросы права. И тѣмъ не менѣе, именно, П. П. Цитовичъ по преимуществу способствовалъ установленію отрицательнаго отношенія къ Своду Гражданскихъ Законовъ. Съ присущей талантливостью и оригинальностью, а иногда даже парадоксальностью П. П. Цитовичъ подвергъ суровой критикѣ дѣйствующіе законы гражданскіе, избавивъ послѣдующихъ строгихъ судей ч. I т. X отъ необходимости придумывать новые доводы. Перечень недостатковъ кодекса переходилъ изъ учебника въ учебникъ, повторялся на лекціяхъ профессорами и на экзаменахъ студентами. Учителя и ученики одинаково не склонны были подвергать провѣркѣ то, что стало общимъ мѣстомъ. Судебная практика, казалось, какъ нельзя больше подтверждала то, что всѣмъ было извѣстно, такъ какъ довольно часто обнаруживала дефекты закона, не отвѣчавшаго потребностямъ оборота, въ особенности въ области обязательственнаго права. Никто больше суда не могъ считать себя въ правѣ указывать на недостатки кодекса. Но съ другой стороны судъ не могъ бы не признать, что всѣ улучшенія въ правѣ онъ совершаетъ на почвѣ ч. I т. X, который, не взирая на всѣми приписываемую ему казуистичность, оказался весьма эластичнымъ и легко приспособляемымъ.

Можно предполагать сравнительную легкость перехода отъ восхваленія Свода Законовъ Гражданскихъ къ суровой его критикѣ: достаточно было внѣшняго сопоставленія ч. I т. X съ какимъ либо новымъ западноевропейскимъ кодексомъ, чтобы признать преимущество послѣдняго. Болѣе труднымъ долженъ быть обратный переходъ. И если въ настоящее время уже не считается обязательной исключительно отрицательная критика Свода Законовъ Гражданскихъ, то лишь потому, что этотъ Сводъ подвергся новому изученію. Какъ и когда это произошло, опредѣлить хронологически невозможно. Въ числѣ событій, содѣйствовавшихъ измѣненію взглядовъ на дѣйствующіе Законы Гражданскіе, должно быть названо составленіе Проекта гражданскаго уложенія, авторы котораго принципіально высказались за сохраненіе связи между новымъ уложеніемъ и дѣйствующимъ Сводомъ, оказавшимся пригоднымъ для того, чтобы вмѣстѣ съ судебной практикой послужить фундаментомъ новаго зданія. Рядъ явленій

общественной и государственной жизни содѣйствовалъ возстановленію должнаго уваженія къ отечественной исторіи и праву. Но всякая идея, чтобы стать вполнѣ плодотворной, должна быть хорошо разработана, уяснена и иллюстрирована. Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ о томъ, въ какой степени авторамъ Проекта удалось воплотить идею историческаго развитія русскаго гражданскаго права. И если вполнѣ хорошихъ результатовъ не удалось достичь, то въ этомъ виновата въ значительной степени русская юридическая литература, такъ долго устранявшаяся отъ труднаго дѣла изученія Свода Гражданскихъ Законовъ вмѣстѣ съ источниками, которые указаны подъ каждой статьей этого Свода и о которыхъ такъ убѣдительно говорилъ Морошкинъ. Всѣми своими работами Л. А. Кассо стремится установить и возстановить должное отношеніе къ отечественному праву. Какъ въ исторіи, такъ и въ дѣйствующемъ законодательствѣ Л. А. Кассо находилъ многое заслуживающее похвалы и сохраненія. И при сопоставленіи русскаго гражданскаго права съ западноевропейскимъ, въ отличіе отъ другихъ юристовъ, не ставилъ во что бы то ни стало въ вину все то, чѣмъ отечественное отличается отъ иноземнаго. При выясненіи общихъ вопросовъ, напр., о вещахъ, имуществѣ и наслѣдствѣ, Л. А. Кассо не пошелъ за тѣми теченіями въ западноевропейской наукѣ, которыя обнаруживаютъ особенную склонность къ искусственному праворазвитію и за которыми безъ оговорокъ слѣдуетъ русская ученая литература. Благодаря углубленному историческому изученію дѣйствующаго законодательства, Л. А. Кассо имѣлъ возможность и рѣшимость если не защищать, то по крайней мѣрѣ не отрицать во что бы то ни стало взглядовъ ч. I т. X, для господствующаго направленія въ западной наукѣ гражданскаго права—по меньшей мѣрѣ наивныхъ. Л. А. Кассо своими работами показалъ, какъ долженъ быть изучаемъ Сводъ Гражданскихъ Законовъ и сколь большого вниманія заслуживаетъ онъ. Съ перемѣной взглядовъ на отечественное гражданское право становится особенно отвѣтственной работа законодателя въ области гражданскаго права, и если Проектъ гражданскаго уложенія сумѣетъ реализовать идею постепенности и послѣдовательности развитія гражданскаго права, саморазвивающагося и почерпающаго въ самомъ себѣ матеріалъ для усовершенствованія, то значительная доля заслуги должна быть приписана Л. А. Кассо.

Какъ уже было замѣчено, изученный Л. А. Кассо матеріалъ и методъ изученія взаимно обусловливали другъ друга. И прежде чѣмъ

перейти въ особенности къ методу, которому слѣдовалъ онъ, нельзя еще разъ не указать на то, какое значеніе въ работахъ Л. А. Кассо имѣли труды подъ заглавіемъ: Систематическій сводъ существующихъ законовъ Россійской Имперіи и Основанія права, изъ оныхъ извлеченныя.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что Л. А. Кассо первый указалъ на Систематическій сводъ существующихъ законовъ и Основанія права, изъ оныхъ извлеченныя. Объ этомъ Сводѣ упоминаетъ и Неволинъ (Исторія I, стр. 42), воспользовавшійся отдѣльными актами, въ этомъ Сводѣ приведенными, если они не нашли себѣ мѣста въ Полномъ Собраніи. Нѣкоторые изъ старыхъ юристовъ съ похвалой отзываются о трудахъ бар. Розенкампфа. Но они интересутся лишь Основаніями права и притомъ, какъ учебной книгой, въ свое время представлявшей собой выдающееся явленіе въ области ученой литературы гражданскаго права (ср. Дегай. Пособія и правила, 62). Но Л. А. Кассо извлекъ эти труды изъ забвенія и показалъ неизбѣжность обращенія къ нимъ не только для уясненія историческаго развитія права, но и для надлежащаго пониманія дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ.

Для характеристики метода изученія отечественнаго гражданскаго права и обученія ему не лишено нѣкотораго интереса цитированіе Л. А. Кассо трудовъ, давно забытыхъ цивилистами и лишь случайно попадающихся въ книжныхъ собраніяхъ букинистовъ. Здѣсь имѣются въ виду изданія Свода Гражданскихъ Законовъ съ выдержками изъ Полнаго Собранія—Каринскаго, Островскаго и Грибовскаго, Андріанова, Шимановскаго. Эти изданія относятся къ тому времени, когда считалось необходимымъ осуществленіе мысли составителей Свода о постоянномъ сопоставленіи Свода Законовъ съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ и когда казалось невозможнымъ обученіе молодыхъ цивилистовъ безъ ознакомленія ихъ съ первоисточниками Законовъ Гражданскихъ. Названныя изданія должны снова войти въ учебный оборотъ ради утвержденія того метода изученія отечественнаго гражданскаго права, которымъ работалъ Л. А. Кассо.

Изъ сказаннаго ясно само собой, что Л. А. Кассо выполнялъ свои ученыя работы по методу историко-догматическому, который слѣдуетъ считать достигающимъ наилучшихъ результатовъ практическихъ, наиболѣе вѣрнымъ и во всякомъ случаѣ достовѣрнымъ. Съ этимъ методомъ слѣдуетъ сопоставить методъ историко-сравнительный. По задачамъ, которыя ставятся каждымъ изъ нихъ, послѣдній долженъ былъ бы занимать первое мѣсто, какъ направленный на

полученіе высшихъ научныхъ обобщеній, изъ которыхъ должно сложиться научное правовѣдѣніе. Но опытъ показалъ, что на пути къ достиженію чисто-научныхъ задачъ ученые юристы встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія въ недостаточности матеріаловъ, въ особенности для древнѣйшихъ стадій праворазвитія, въ трудности пониманія источниковъ древняго права и въ значительной сложности отношеній, которыя подвергаются сравнительно-историческому объясненію. Недостатки въ матеріалѣ въ свою очередь вынуждаютъ юристовъ обращаться къ сомнительнымъ вспомогательнымъ методамъ въ родѣ метода переживаній. Вотъ почему, несмотря на значительное количество матеріала, собраннаго учеными подъ видомъ первобытнаго, до сихъ поръ не удалось получить хоть сколько-нибудь безспорныхъ общихъ положеній. Внѣ двухъ названныхъ методовъ лежатъ—чисто-догматическій, рискующій превратить гражданское право въ „счетъ понятій“, и чисто-историческій, самостоятельнаго значенія не имѣющій и дающій лишь матеріалъ или для историко-сравнительнаго, или для историко-догматическаго изученія гражданскаго права.

Л. А. Кассо прежде всего юристъ-догматикъ, который осложняетъ догматическое изученіе права историческимъ. И въ отличіе отъ метода историко-сравнительнаго, естественно, больше вниманія удѣляетъ тому историческому матеріалу, который ближе примыкаетъ къ дѣйствующему праву. Однако онъ не игнорируетъ древняго правосостоянія и, въ предположеніи наличія научныхъ обобщеній, не отказывается обращаться къ нимъ для наилучшаго историко-догматическаго изложенія институтовъ гражданскаго права. Тѣмъ самымъ, очевидно, онъ принимаетъ на себя всѣ возраженія или сомнѣнія, какія вызываютъ полученныя учеными юристами научныя обобщенія. Такъ, связывая идею неограниченной отвѣтственности наслѣдника съ формулярнымъ процессомъ, Л. А. Кассо указываетъ на особенность взысканія древняго права, заключающуюся въ томъ, что оно направляется не на имущество, а на личность должника. Эта гипотеза, сама по себѣ взятая, вызываетъ сомнѣнія, на которыхъ здѣсь останавливаться не приходится, а въ примѣненіи къ изслѣдуемому Л. А. Кассо институту она вызываетъ еще вопросъ: если неограниченная отвѣтственность наслѣдника возникаетъ изъ личнаго характера древняго обязательства вообще, то почему зарожденіе идеи такой отвѣтственности пріурочивается только къ римскому праву, а не къ греческому, славянскому, русскому, германскому и др.? Однако же гипотеза личной отвѣтственности по древнему обязатель-

ству должна быть признана господствующей. И если принять во вниманіе, что другія обобщенія научнаго правовѣдѣнія, какъ напр. формализмъ древняго права, вызываютъ еще большія сомнѣнія, то придется признать, что Л. А. Кассо, для иллюстраціи соединенія историко-догматическаго метода съ историко-сравнительнымъ, воспользовался обобщеніемъ наиболѣе пріемлемымъ.

Соединяя два метода изслѣдованія, Л. А. Кассо выясняетъ зарожденіе института, его развитіе, современное состояніе и указываетъ желательное направленіе его въ будущемъ. Въ одномъ изъ сочиненій Л. А. Кассо говоритъ даже о наукѣ гражданской политики, указаніями которой, повидимому, надлежитъ руководствоваться законодателю и ученому при усовершенствованіи институтовъ гражданскаго права. Но нигдѣ онъ не указываетъ на особый методъ или матеріалъ этой науки, нигдѣ не дѣлаетъ попытокъ использовать какіе либо выводы этой науки, если они существуютъ. Поэтому надо думать, что дѣло идетъ въ дѣйствительности не о наукѣ гражданской политики, а о законодательной политикѣ, какъ части или одной стороны историко-догматическаго метода.

Л. А. Кассо использовалъ наилучшій матеріалъ и подвергъ его обработкѣ по наилучшему методу. Полная согласованность того и другого обезпечивала всегда хорошо задуманный планъ работы, а научные вкусы и талантливость ученаго — искусное его выполненіе. Исходя изъ какого либо частнаго вопроса и, казалось бы, случайнаго заданія, какъ напр. въ диссертаціи о преемствѣ наслѣдника въ долгахъ наслѣдодателя (ст. 1529 ч. I т. X), авторъ достигаетъ значительнаго расширенія и углубленія научныхъ темъ, свидѣтельствующаго о широтѣ замысла и глубинѣ постановки вопроса, по первому лишь взгляду частнаго и мелкаго. Значительная историческая перспектива, которой владѣлъ покойный ученый и которую, если судить по его послѣднимъ работамъ, расширилъ бы и углубилъ еще болѣе, дѣлала его работы особенно привлекательными.

Какъ юристъ-историкъ, Л. А. Кассо выработалъ свой стиль на лучшихъ образцахъ русской и западноевропейской литературы.

Дѣйствующее законодательство и памятники прошлаго и позапрошлаго вѣковъ, а также московское законоискусство получили въ немъ хорошаго истолкователя. Внѣшняя обработка сочиненій явилась результатомъ широкаго общаго образованія, обезпечивавшаго изящество изложенія, нисколько не терявшаго отъ случайныхъ и во всякомъ случаѣ рѣдкихъ неправильностей языка.

Л. А. Кассо принадлежитъ къ лучшимъ русскимъ юристамъ. Своими научными вкусами и методомъ разработки юридическихъ темъ онъ возвращаетъ насъ къ прошлымъ временамъ оживленія интереса къ отечественному праву. Его монографіи напоминаютъ намъ диссертаціи старыхъ юристовъ, уступающихъ Л. А. Кассо въ отношеніи матеріала, метода и изящества построеній, но несомнѣнно усвоенныхъ имъ въ качествѣ элемента образованія и служившихъ образцами при изученіи родного права. Русское поземельное право Л. А. Кассо, въ извѣстномъ отношеніи лучшее изъ его сочиненій, въ особенности должно быть сопоставлено съ лучшимъ изъ сочиненій К. П. Побѣдоносцева подъ заглавіемъ Вотчинное право.

Какъ ни различенъ въ подробностяхъ стиль этихъ двухъ русскихъ цивилистовъ, сколь ни велика разница въ доступномъ каждому изъ нихъ научномъ матеріалѣ, они должны быть сближены между собой, какъ выдающіеся по изяществу мысли и языка цивилисты, на трудахъ которыхъ—Вотчинное право и Русское поземельное право—будутъ вырабатывать юридическое мышленіе молодые цивилисты.

Поставленные въ рядъ съ монографіями юристовъ западной Европы труды Л. А. Кассо не только не могутъ остаться не замѣченными, но должны быть признаны имѣющими крупный интересъ по обширности матеріала и способу его использованія.

Л. А. Кассо имѣлъ ученыя степени—doctor utriusque juris и доктора гражданскаго права, одну—полученную въ заграничномъ университетѣ и другую, которой онъ удостоенъ былъ въ Россіи. Всегда и при всѣхъ измѣненіяхъ въ личной и общественной жизни Л. А. Кассо дорожилъ своими учеными степенями. И это потому, что всегда и вездѣ онъ прежде всего и больше всего хотѣлъ быть и былъ ученымъ и оставался докторомъ до конца своей жизни.